

УДК 165.92

А.П. Коркишко, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33. г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА**

Анализируются основные тенденции развития субстанционального подхода в современных условиях, высказываются предложения по их углублению.

Ключевые слова: *субстанция, материальное, идеальное, диалектика, метафизика, противоречие, модальность.*

Если взглянуть на мир, как на единое целое, то размышления о нем так или иначе сводимы либо к некой универсальной модели в стиле Платона (потому Виндельбанд в свое время и утверждал, что философия полностью состоялась в лице Платона, а все, что было позднее – это более или менее удачный комментарий к нему), либо мы развиваем идею единства мира способом расширения предмета отдельной науки. В качестве таковой в последнее время выступает философия, хотя ее притязания не являются исключительными. Если обратиться к истории науки, то без особого труда обнаружим попытки иных решений: начиная от математических гипотез Пифагора, сводившего, как известно, сущность мира к числам, или теорий Г.В. Лейбница о математике, как «науке открытий», и кончая современными заявками физиков, например, Р. Фейнман прямо пишет о том, что «...тем, кто не знает математики, трудно постичь подлинную, глубокую красоту природы... Физику нельзя перевести ни на какой другой язык» [1, с. 58].

Если бы мы доверчиво дали обьять себя логикой выдающегося современного естествоиспытателя, то в ту же минуту угодили бы в капкан математики, расставленный К. Геделем. Он утверждает, что «...в любой непротиворечивой формальной системе, содержащей минимум арифметики (...), найдется формально неразрешимое суждение, то есть замкнутая формула А, что ни А, ни -А не являются выводимыми в системе» [2, с. 910]. Получается так, что любой язык аксиоматического описания не может быть предъявлен так, чтобы он вмещал одновременно в себя всю теорию любого объекта, которую он представляет, и был бы в тоже время средством оценки своих высказываний.

Аналитически геделевская теорема была оформлена в XX столетии усилиями математической логики, но с семантическим содержанием этой конструкции культура познакомилась значительно раньше.

Сначала эту проблему воспринимали как чисто языковую, достаточно вспомнить античные логические парадоксы: «Иди» или «Лжец». Задача сводилась к получению «чистых» в логически интуитивных представлениях языковых средств, которые должны были быть инструментом научного знания.

Уже Аристотель осознал угрозу, исходящую из стихийно складывающейся философской речи, и начал разработку своего «Органона», в котором впервые создает систему категорий, опирающуюся на дедуктивный вывод. Одновременно с решением этой задачи он решает и другую – дает четкое, «метафизическое» в его терминах, определение предмета философии – и закрепляет его в «Аналитиках» как «мышление мышления».

Дальнейшая эволюция философского знания пошла в направлении содержания основного вопроса философии, что превратило содержание этой проблемы в некую самоочевидность, основанную на представлении противоположности двух начал, которые связывались логикой порождения: либо материальное порождало идеальное, либо наоборот.

Унификационная программа знания прямо или скрытно существовала всегда, но только к XIII столетию стало очевидно, что решать ее либо предметно, либо структурно-функционально вряд ли получится. Вот почему Декарт решил задачу предельно просто: он обозначил материальное и идеальное начала мира как независимые друг от друга субстанциональные величины, а способ интеллектуальных операций с ними свел к правилам рационалистически выстроенного «Декалога».

Этот пик европейского рационализма был достигнут благодаря следованию принципам линейного детерминизма, который и был положен Б. Спинозой в основу геометрического обоснования «Этики», за что он впоследствии и был философской критикой распят (вспомним Соколова В.В.).

Если отталкиваться от оценок спинозизма, данных в советской, да и в значительной части современной философской литературы, то не трудно заметить существование определенного оценочного стереотипа, который, по сути, остается неизменным: Спиноза – это сторонник субстанционального подхода [3].

Несколько слов о самом субстанциональном объяснении. В советской литературе этот термин с методологической точки зрения оценивался весьма сдержанно. Е.П. Никитин в своей монографии

«Объяснение функции науки» писал, что «субстанциональные объяснения являются наиболее поверхностными, то есть обладающими наименьшей объясняющей силой» [4, с. 80-81]. Будущее науки Никитин Е.П. видел в том, что субстанциональные доказательства «теряют свой удельный вес», обогащаясь структурными и функциональными типами объяснений.

Справедливости ради надо заметить, что Никитин Е.П. упоминает о Зигварте Х., который еще в начале XX в. придерживался противоположных взглядов и считал субстанцию «последним основанием всякого воспринимаемого события» [5, с. 209]. Одновременно с этим Никитин Е.П. упрекает Зигварта Х. в том, что он «сводит все объяснения к субстанциональным» [4]. Поэтому субстанциональная логика Ильенкова, взятая им как «продолжение» Спинозы, воспринималась значительной частью философского сообщества с настороженностью, тем более, что в марксистскую философию Спинозу прописал Плеханов Г.В., который, вопреки общепринятому оценочному стандарту, считал голландского мыслителя материалистом, «хотя его отказываются признавать таковым историки философии» [6].

Мотив для подобного отказа возникал не случайно. Во-первых, сам по себе субстанциональный анализ в лучшем случае рассматривался как ослабленное доказательство; во-вторых, обнаруживалась следующая любопытная подробность (не случайно же французы говорят: «Дьявол кроется в мелочах»): логики субстанционального и гносеологического анализа вытекают из разных посылок. Если первая опирается на идею самопричинения, выраженную в форме «causa sui», то вторая исходит из классической контрарности объективного и субъективного измерения бытия, которую «замыкают» на абстрактное положение в виде основного вопроса философии.

Кажущаяся пустой на первый взгляд проблема (во всяком случае, в известной вычурности ей не отказать) перестает быть таковой, как только мы обращаемся к идее реализации принципа унификации. Действительно, субстанциональная идея стоит на признании первичности противоречия как источника самодвижущейся первопричины, порождающей все сущее (Аргорос: именно здесь Спиноза не всегда внятен, раскрывая диалектику *natura naturans* и *natura naturata*), тогда как субъект-объектное отношение «схватывает» момент противоположности (контрарности) того и другого. Поэтому, когда мы пытаемся субординировать эти первичные отношения (а это начальная форма унификации знания), возникает множество осложнений. С ними, конечно, можно «разобраться» в стиле Аксельрод Л.И., критикующей деборинцев за их разбор сути геометрического метода изложения своей системы Б.Спинозы. Она полагала, что Спиноза использовал геометрию не как форму изложения (так считали А.Деборин и его соратники), а как внутреннюю сущность всей системы. Почему? А потому что доказать иное невозможно, и все тут [7]. Аксельрод копнула гораздо глубже, чем предполагала. Она, сама того не ведая, укрепляла силовой контур основного вопроса философии путем сползания философской аргументации в политическую, т.е., по сути, занималась, с точки зрения логики, ни чем иным, как подменой тезиса.

Подобный вольт в методологии философского знания закончился так, как нам уже известно. «Единственно правильная постановка основного вопроса философии» сводилась не только к тому, что в советских философских учебниках спинозизм трактовался как «теологический привесок» [8], но оказывалось, что подобного рода классификаторские ошибки тормозят развитие унификации знания как логического процесса.

Во-первых, и мы уже на это обстоятельство указывали, происходило смешение (или смещение? Но это уже выходит за рамки изложения.) гносеологического и субстанционального интервала построения и оценки полученного знания. С логической точки зрения это означало, что одно и то же получало одновременно и контрарную, и контрадикторную форму изложения, но ведь противоположность и противоречие – это разные логические отношения, и логический путь достижения истины у них различный (любой логик знаком с задачей «логического квадрата»).

Во-вторых, практически блокировалась попытка реально-научного изучения мышления, говоря шире – проблемы идеального. Попробуем ответить на простой вопрос: «Почему в истории знания возник и закрепился вулгарный (имена могут быть разными: «механистический», «физиологический» и т.п.) материализм?». Но ответ очевидно прост: «Это – ранняя история и т.д. и т.п». Это было, и по-своему добросовестное (идеологически тоже), логически точное прочтение контрарного способа прочтения основного вопроса «марксистской» философии: если истинно первое, то ложно второе. (Кстати, в современном философском мире нечто подобное тоже угадывается). И тогда проблеме материального начала – «да», а проблеме идеального – «нет»! Вспомним, с какими трудами пробивалась иная точка зрения (например, Д.И.Дубровского) [9] и с каким энтузиазмом старались материалистически «расшифровать» мышление.

Мало кто обратил внимание в первый момент на выглядевшую причудой работу философа Э.В.Ильенкова в далеком Загорске со слепоглухонемыми детьми. В его работе замысловато состыковались философия, психология, дефектология и т.п. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это не просто слепок различных научных подходов, а реализация идеи унификации научного знания на основе правильно понятого Спинозы (до Ильенкова Э.В. это направление нового истолкования

Спинозы развивал Выготский Л.С. [10]. Э.В.Ильенкову удалось не манипуляция сознанием слепоглухонемого ребенка, а его органическая реконструкция, что возможно только в момент сотворения идеального акта. Ильенков вспоминал, что ему удалось наблюдать за действиями слепоглухонемой девочки, вернувшейся с прогулки по парку, в котором был расположен овраг. Естественно, что оврага, как такового, она видеть не могла и рассказать о своих ощущениях тоже. Но девочка воспользовалась пластилином для лепки, с помощью которого она вылепила кромку оврага, т.е. идею пространственного соотношения кромки оврага и собственного тела она целиком «пропустила» через себя. Руки зафиксировали то, что ощутили ноги (благодаря современному TV мы наблюдаем «перемену мест слагаемых», когда инвалид, лишенный рук, рисует ногами, иллюстрирующую единство результата, полученного разными средствами. Хотя, строго говоря, это, скорее, нестрогая аналогия). Исследователю стало ясно, что в научном анализе в качестве «начала» берется не сама «деятельность», как «снятие» слова и дела или ее инструментальная сторона (процесс лепки из пластилина с эргономической точки зрения, например), а деятельность как условие формирования идеального образа материальной действительности и ее же результат. В общем, мысль не новая: субъект выступает как цель и продукт истории одновременно. Ильенков, методологически «расшифровывая» ситуацию, акцент ставит не на вопрос «что?», а на вопрос «как?». Уже здесь просматривается унификационная задумка, идущая от правоведения, которое выделяет нормы материальные и процессуальные, не решая, кстати, вопрос о характере их соотношения. К слову сказать, было бы любопытно посмотреть на результат реализации подобной идеи.

К идее нового прочтения Спинозы, когда мышление не просто объявлялось свойством высокоорганизованной материи, а рассматривалось изначально как субстанциональный модус, который, следовательно, входил в объем понятия «*causa sui*», Ильенков пришел, на наш взгляд, не по рельсам классического диамата (собственно философской новизны в «Диалектической логике» нет, есть только та или иная степень уточнения содержания философского метода), а решая как раз задачи конкретного совмещения разных предметных подходов, т.е. реализуя идею унификации, которая и вылилась, в конечном счете, в идею субстанционального начала, взятую в логике расширения предмета отдельной науки.

Диалектичность Ильенкова в том, что он сохранил внешнюю форму платоновской модели философствования (отсюда и приверженность Ильенкова к Спинозе – это, по сути, противоположность обнаруженного им противоречия), но во внутреннем плане он двинулся, как было уже отмечено, по пути совмещения предметов наук в едином субстанциональном измерении (а это – вторая противоположность).

Акт снятия противоположностей, по Ильенкову, протекает следующим образом.

Абстрактно-всеобщую идею треугольника, например, можно считать созданной тогда, когда мы не просто совершаем «треугольный» маршрут или запечатлеваем зрительный образ треугольника (и первый, и второй акт, по отдельности и вместе, может создавать и животное), а когда мы создаем макет ощущаемого, т.е. мы в мышлении «воспроизводим» вещи идеально или, по Хайдеггеру, создаем событие. Идеально, по Ильенкову, творение платоновской «лошадности». Но ведь у Платона операция генерализации происходит только в мышлении (согласиться даже только с идеей опосредованности материальным началом этой процедуры античный способ диалектики не позволял), а Ильенков рассматривает становление и развитие идеального плана в деятельности одушевленного тела, «сливающего» воедино Слово и Дело.

Безусловно прав С.Мареев [11], считающий, что Ильенков глубже понял Спинозу потому, что «снял» его учение в более конкретной и развитой системе понятий» [6].

На наш взгляд, логика Мареева С. должна получить дальнейшее развитие в виде унификационного проекта, который, с одной стороны, не может не опираться на философскую логику спинонизма, восходящую к классикам марксизма, считавшим марксизм родом спинонизма, и закрепленную линией Выготский – Ильенков, с другой – на глубокие схемы логической, социологической, психологической и т.п. операционализаций философского материала, скоординированных и субординированных в одном исследовательском проекте.

Сама по себе идея координации общефилософских и частно-научных воззрений не нова, если ее воспринимать через классическую призму тезиса о «единстве философов и естествоиспытателей». Тут важно акцентировать внимание не на «что?» (это более или менее ясно), а на «как?». Любопытно, но мы наблюдаем своего рода диалектический «возврат» развития научного знания, «повторяющего» траекторию античного цикла развития философии в лице Платона и Аристотеля, когда мысль от платоновского «что?» устремилась к аристотелевскому «как?».

Указывая на очевидное историческое сходство сегодняшней познавательной ситуации с античностью, нельзя не сказать несколько слов, касающихся их принципиального различия (столь отдаленный, на первый взгляд, прием компаративистики не должен настораживать. Это не ошибка при

установлении «временной» резкости проблемы, а стремление установить истинный масштаб происходящего перестроения смыслов в современной культуре XX и в начале XXI вв.).

Во-первых, идея «понимающего» модуса культуры и науки, в частности, по сравнению с модусом «объяснения» все более набирает свою универсалистскую, а следовательно, и унификационную мощь.

Во-вторых, XXI век достиг нового уровня развития диалектики, которая прошла в XX веке все возможные трансформации, начиная от экзистенциально-мистических версий, проработки путей мифологизации диалектики и кончая социоцентристскими построениями «неомарксизма», в настоящее время, благодаря Л.С. Выготскому и Э.В. Ильенкову, возвращается к своим «инструментальным» корням, пройдя через горнило испытаний различными «измами» [12] и выводит понимание провозглашенного еще Спинозой принципа «*causa sui*» на более высокий уровень понимания.

В-третьих, логическая проработка тезиса унификации современного научного знания происходит не на уровне общих методологических и теоретических призывов, а осуществляется путем разработки конкретных поисковых научно-исследовательских проектов.

В последнем варианте мы обнаруживаем большое число нерешенных проблем с явно обозначившейся тенденцией их роста.

Кратко перечислим, на наш взгляд, наиболее важные из них.

Первая из них – это выбор между классической линейной, можно сказать – картезианской линейной – логикой (классический рационализм) и многозначными логиками. Проблема состоит не в отказе от линейно-рационалистических истолкований как таковых, а в выборе определенного типа логической многозначности. Если исходить из мысли о множественности логических значений переменных, то изначально можно назвать 3-х, 4-х и даже 16-тизначные логические системы. Это далеко не пустая постановка проблемы, если вспомнить, что, начиная со Спинозы, мы пытались субстанциональный подход свести к правилам двухзначной логики. Видимо, в общем виде уровень субстанциональной проработки задачи, в том числе и решение унификационных задач, нуждается в соответствующем логическом обеспечении нужной степени мерности. И здесь требуется смелее соединять философию и логику в том смысле, чтобы достигать большей степени прозрачности «онтологических» смыслов тех или иных логико-математических гипотез. Последнее утверждение нужно понимать в том смысле, что, реализуя математическую или логическую задачу, следует стремиться не к решению ее как таковой (хотя и эту задачу нельзя огульно отрицать), а к такой ее интерпретации, когда внутренне «структурные» или, как сейчас нередко говорят, системные свойства предмета рассматриваются через логику решения противоречия, т.е. приобретают форму снятия. В диалектической логике это означает, что проникновение противоположностей друг в друга ведет к возникновению третьего начала, т.е. к их синтезу. Если раньше достижение синтеза формулировалось как чисто научная задача, то сейчас синтез должен отображаться в определенной логической мерности с точным отношением к определенной предметной реальности.

Данная задача разрешима только в случае разрешения проблем модальной логики, когда, определяя характер связи предмета и признака, мы не только определяем меру, степень их интенсивности («необходимо, что S есть P» или «вероятно, что S есть P», «хорошо, что S есть P» или «плохо, что S есть P») и их связи, но определяем временные, пространственные их модусы, т.е. выходим на уровни фиксации их субстанциональных атрибутов. В итоге мы прикасаемся к «святой святых» философского анализа – конструируем внутреннюю идеальную форму внешнего объективного соположенного к нам фрагмента мира, представляя его одновременно для нас как некую модель целостного мира, восстановленную по тем или иным основаниям. Получается, что основание восстановления и выбранный нами в логике понятийного отражения тип модальности совпадают в конечном счете или уходят, как говорят шахматные комментаторы, «в область необозримых осложнений». Упомянутые нами пути развития идеалистической диалектики в XX веке представляют, на наш взгляд, попытки разрешения проблемы по второму варианту, когда путеводной звездой исследователя становится философская интуиция. Отличие позиции Ильенкова состоит прежде всего в том, что она опирается не на интуицию того или иного рода, а основана, как об этом уже говорилось, на новом, качественном понимании «*causa sui*».

В этой связи возникают следующие неясности. В какой последовательности координировать модальности? Какое содержание вкладывать в них – материальное или идеальное? Но тогда возникает проблема определения качества непосредственной «данности» факта сознанию. Здесь кардинально и расходятся пути развития западноевропейской философской линии XX века и того пути, по которому двинулись Выготский и Ильенков. Суть расхождения лежит в плоскости восприятия и оценки того, что делал Спиноза и после Гегель, а именно: не допустить разложения акта сознания в понятие как логической форме мышления, т.е. не переводить сам акт сознания в некое третье, или, говоря языком Гегеля, «снятое», т.е. искаженное отражением состояние, а сделать это, по феноменологическому рецепту, означает только одно – оставаться внутри сознания и познавать сознание, не выходя из него. Тогда только обнаруживается, по Гуссерлю, универсальная функция сознания. Это – не идеальное

макетирование объективного мира, а интенциональность сознания на все, что находится вне его. В этом случае факт некоей внешней «данности» сознанию трактуется феноменологами как проявление того, что мы и называем «содержанием» сознания. Важным моментом здесь является соблюдение принципа гносеологической чистоты, когда мы приходим к конечному результату рассуждений не в результате «опосредований и снятий» содержания других противоположностей, как, например, у Гегеля, а результат предстает перед нами в виде первозданной очевидности, той чистоты сознания, которая и представляет феномен сознания как таковой.

Феноменологическая философия в целом, да и философия Запада XX века в своей основе, по сути, избегала подобных «чистых» форм постановки проблемы, предпочитая сохранять плотный, непроницаемый пояс семантической запутанности (философская вычурность Гуссерля или Хайдеггера может считаться своего рода иллюстрацией), дающий определенную социальную защиту философского мира от жесткого соприкосновения с жизнью как таковой, с рынком в частности. В конечном итоге Запад и останавливается на принципе гносеологического наблюдения, который принципиально противоположен миру как таковому.

Ильенковская линия развития философии, которая, на наш взгляд, должна быть дополнена зинovieвскими логическими мазками, как раз и состояла в том, чтобы отодвинуться (не критиковать, это уже иная плоскость рассмотрения) от подобной традиции и предложить свой способ **ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ** «расшифровки» сознания.

Сливая воедино мысль и действие, а не разделяя их, как упорно стремилась европейская философия, Ильенков, через призму гегелевского опосредования, приблизился к такому пониманию модальностей, которое ближе всего стоит к логике их «субстанционального раскладывания». Эта логика строится так, что каждая понятийная ступенька, или уровень конкретизации идеи всеобщего, должна быть одновременно аппроксимирована не только в виде очередного «логического кванта», но и соответственно с этим отнесена к определенному интервалу действия человеческой телесности (невольно вспоминаются в этой связи человеческие пальцы, лежащие на запястье слепоглухонемого, и «информационную волну», бегущую вслед за их легкими прикосновениями).

Иначе говоря, если идею унификации научного знания, с которой мы начали, рассматривать не только как академическую задачу, а воспринимать в терминах интегрального подхода, то все более очевидным становится не только углубление логики дисциплинарного понятийного восхождения от абстрактного к конкретному, но одновременное логическое координирование модальностей, когда, например, «психологически необходимое» упорядочивается с «физически возможным» или «физически необходимым» в рамках оператора временного следования.

Мы согласны с Д.И. Дубровским, что взаимосвязь материального и идеального нельзя сводить к категориальному уровню «деятельности» и «общения» [13]. Очевидно, что, несмотря на то, что задача унификации научного знания выступает важной составляющей такого сегмента духовной практики, как научная деятельность, объем содержания последней не сводим к каким-то определениям. Следует постоянно ощущать ту зыбкую грань, которая, с одной стороны, разделяет вещный мир и мир духовных ценностей, с другой – дает нам возможность в рамках фиксированного временем интервала (невольно вспоминается тезис Гегеля – «Истинно для своего времени») соприкасаться с ней в вещных формах наличной активности и, следовательно, обнаруживать все-таки скрытую в ней самой логику самовыражения первоначала.

Библиографический список использованной литературы

1. Фейнман Р. Характер физических законов / Р. Фейнман. — М.: Наука, 1968. — 158 с.
2. Математическая энциклопедия / Под редакцией И.М. Виноградова. — М.: Сов. энциклопедия, 1977. — Т. 1. — 1151 с.
3. Манданский А.Д. Русские спинозисты / А.Д. Манданский // Вопросы философии. — 1998. — № 1. — С. 82.
4. Никитин Е.П. Объяснение функции науки: монография / Е.П. Никитин. — М.: Наука, 1970. — 280 с.
5. Зигварт Х. Логика / Х. Зигварт. — СПб., отд. 5, VII, 1908. — Т. 2. — Вып. 2. Учение о методе. — 237 с.
6. Плеханов Г.В. Избр. философ. произведения / Г.В. Плеханов. — М.: Политиздат, 1956. — Т. 2. — С. 399; С. 43.
7. Аксельрод Л. Спиноза и материализм / Л. Аксельрод // Красная новь. — 1925. — № 7. — С. 149.
8. Соколов В.В. Мировоззрение Бенедикта Спинозы / В.В. Соколов. — М., 1957. — С. 25.
9. Дубровский Д.И. Проблема идеального / Д.И. Дубровский. — М.: Мысль, 1983. — 228 с.
10. Выготский Л.С. Два фрагмента из записных книжек Л.С. Выготского // Вестник РГГУ. Сер. Психология. — 2006. — № 1. — С. 295.

11. Мареев С. Спиноза в советской философии / С. Мареев // Логос. — 2007. — № 2 (59). — С. 200.
12. Идеалистическая диалектика в XX столетии. — М.: Политиздат, 1987. — 333 с. — С. 17–19.
13. Дубровский Д.И. Проблема идеального / Д.И. Дубровский. — М.: Мысль, 1983. — 228 с. — С. 200.

Поступила в редакцию 02.03.2012 г.

Коркішко О.П. Логіко-філософські аспекти субстанціонального підходу

Аналізуються основні тенденції розвитку субстанціонального підходу у сучасних умовах, висловлюються пропозиції щодо їх поглиблення.

Ключові слова: субстанція, матеріальне, ідеальне, діалектика, метафізика, суперечність, модальність.

Korkishko A. Logical and philosophical aspects of the substantial approach

The article analyzes the modern methods of substantial proofs and traditions using the Spinoza conceptions and constructions of some modalities.

Keywords: unification, science, modality, activity, the theory and methodology of the construction of substantial explanation.